

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла Общ. Распростр. Технич. Знаній.

ХОЖДЕНІЯ ЗА ТРИ МОРЯ

Аѳанасія Никитина.

Составила К. ГАРИНА.

Съ рисунками.

Изданіе Ц/Ф Сытина

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА, Пятницкая улица, свой домъ.

МОСКВА. — 1905.

Дозволено цензурою. Москва, 2 апрѣля 1905 года.

ХОЖДЕНІЯ ЗА ТРИ МОРЯ

АВАНАСІЯ НИКИТИНА.

ХОЖДЕНІЯ ЗА ТРИ МОРЯ АВАНАСІЯ НИКИТИНА.

Еще въ самыя древнія времена, за много вѣковъ до Рождества Христова, по Средиземному морю на корабляхъ и сухимъ путемъ, на верблюдахъ караванами, черезъ Малую Азію, Сирію и Месопотамію шла торговля между европейскими странами и далекими народами южной Азіи. Въ тепломъ климатѣ водятся иныя животныя, растутъ иныя растенія, чѣмъ у насъ, въ умѣренномъ климатѣ Европы. Такъ же и наоборотъ — у европейцевъ есть то, чего не найдется въ теплыхъ странахъ. А продукты очень дорого цѣнятся именно тамъ, гдѣ ихъ трудно достать. Поэтому всегда находились предприимчивые смѣльчаки, купцы, которые разѣзжали изъ страны въ страну и разыскивали товары, на которыхъ можно было хорошо нажитья, продавая ихъ у себя на родинѣ. Для европейцевъ особенно заманчивой страной казалась далекая Индія, изъ которой привозились драгоцѣнные камни, золото, слоновая кость, шелковыя ткани и всякія пряности — перецъ, гвоздика и др. Немногимъ удавалось побы-

вать въ Индіи, и рассказы о ея богатствахъ и о жизни въ ней разукрашивались всякими небылицами. Семь вѣковъ спустя послѣ Рождества Христова азіатскіе берега Средиземнаго моря были завоеваны арабами, которые захватили всю торговлю съ Востокомъ въ свои руки и не пропускали туда европейцевъ. Позднѣе сюда пришли турки. Съ ними европейцы воевали нѣсколько вѣковъ. Были предприняты знаменитые крестовые походы „противъ невѣрныхъ для освобожденія гроба Господня“. Въ походахъ этихъ принимали большое участіе купцы Генуи и Венеціи, которымъ важно было отвоевать свободный путь на Востокъ. Они помогали крестоносцамъ, давая корабли, деньги и оружіе. Крестовые походы потерпѣли неудачу. Поэтому, чтобы попасть въ Индію, европейцамъ приходилось искать новаго пути. Только въ 1501 году удалось португальцамъ найти морской путь въ Индію вокругъ Африки, а до тѣхъ поръ имъ приходилось или пользоваться посредничествомъ арабскихъ купцовъ, или съ большими трудностями путешествовать сухимъ путемъ. Этихъ путей было два. Одинъ изъ нихъ былъ слѣдующій: венеціанскіе и генуезскіе купцы черезъ Черное море поднимались по Дону, волокли лодки на Волгу и черезъ Астрахань, Каспійское море и Персію, провозили товары въ Индію. Второй путь былъ изъ Нѣмецкаго моря, черезъ Псковъ, Новгородъ Великій, Нижній, по Волгѣ въ Астрахань и т. д. Такимъ образомъ, эти два пути шли черезъ русскія земли и русскіе познакомились со многими индѣйскими товарами.

Такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, у русскихъ сохранились рассказы о славномъ царствѣ Индѣйскомъ. Русскіе товары: кожи, мѣха и льняныя ткани славились далеко за предѣлами Персіи. Сами русскіе рѣдко ѣздили въ глубь Азіи, такъ какъ арабскіе и болгарскіе купцы ихъ туда не пускали. Когда же татары завоевали Русь, то русскимъ уже чаще приходилось бывать за Каспійскимъ моремъ, потому что ихъ татары уводили въ плѣнъ или посылали ихъ на поклонъ къ великому хану въ закаспійскія степи и сами направляли туда русскихъ купцовъ. Все-таки торговля послѣ нашествія татаръ была такъ трудна и опасна, и русскимъ такъ тяжело жилось на родинѣ, что всякая иноземная торговля замерла и сношенія съ Дальнимъ Востокомъ почти прекратились.

Однако, какъ ни трудно было изъ Западной Европы или изъ Руси попадать на Востокъ, находились смѣльчаки, которыхъ влекла любознательность и жажда богатства. Такіе путешественники, попадая въ завѣтную Индію, удивлялись тому, что тамъ встрѣчали, такъ какъ жизнь, природа, нравы и обычаи людей были такъ непохожи на родную бль. Ученыхъ людей почти не было въ то время, многое оставалось непонятнымъ, казалось чудеснымъ и, конечно, многія изъ оставшихся свѣдѣній для насъ не цѣнны. Самая довѣрчивость путешественниковъ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько они были все невѣжественны и въ то же время любознательны, однако имъ удалось подмѣтить поразительную рос-

кошь въ жизни мѣстныхъ царьковъ и вельможъ и бѣдноту и невѣжество забитаго простого народа и покоренныхъ народностей. Особенно много путешественниковъ было въ XV в., но лишь немногіе попали въ Индію и всего двое-трое оставили для насъ интересныя записки. Среди нихъ выдѣляются наблюдательностью, смѣлостью и твердымъ характеромъ нашъ русскій купецъ изъ Твери Аѳанасій Никитинъ и венеціанскій купецъ Николо ди - Конті. Николо ди - Конті научился арабскому языку и отправился на Востокъ со своими товарами, примкнувъ къ большому каравану, въ которомъ было 600 купцовъ. Онъ побывалъ въ Персидскомъ морѣ и изъ города Ормуза отправился въ Индію. Прожилъ онъ въ ней, больше въ западной части, 20 лѣтъ и за это время не только обзавелся новой семьей, но и вѣру перемѣнилъ. Въ своихъ запискахъ онъ описываетъ природу страны, ея жителей, ихъ нравы, обычаи и религіозныя обряды.

Русскому путешественнику пришлось бороться съ большими трудностями. Очень важно отмѣтить, что генуезскимъ, португальскимъ и венеціанскимъ путешественникамъ много приходилось путешествовать, и они находили поддержку въ правительствѣ, которое давало имъ средства, и шли они по извѣстному для себя пути. А Никитинъ, чтобы выѣхать съ родины, долженъ былъ хлопотать о разрѣшеніи и надѣяться лишь на свои силы. Въ то время, когда онъ отправился путешествовать, въ 1466 г. сѣверо - восточная Русь только что освободилась отъ татаръ и объединялась вокругъ Москвы. Московское правительство,

воюя постоянно съ сосѣдями, только въ концѣ XV в. стало замышлять, какъ бы завести сношенія со странами, лежащими по Каспійскому морю, южнѣе Астрахани.

Записки Аѳанасія Никитина не свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ заранѣе рѣшилъ попасть въ Индію, но за рубежомъ родной земли съ непреодолимою силой въ немъ вспыхнула любовь къ путешествію и привела его противъ первоначальныхъ плановъ къ берегамъ Индіи. Цѣлый годъ путешествовалъ онъ по Персіи, о которой онъ не оставилъ почти воспоминаній, такъ какъ жизнь въ Персіи была слишкомъ знакома русскимъ. Три года пробылъ онъ въ Индіи, гдѣ въ свои записки вмѣстѣ съ описаніемъ мѣстностей онъ вносилъ замѣчанія о природѣ страны и ея произведеніяхъ, о народѣ, его нравахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, объ его управленіи и т. д. Замѣчанія эти указываютъ на его наблюдательность, а нѣкоторая сбивчивость и ошибки объясняются малымъ знакомствомъ не только русскихъ, но и европейцевъ съ жителями Востока, и это не можетъ быть поставлено въ вину нашему путешественнику. Записки эти интересны настолько, что мы приводимъ ихъ почти цѣликомъ съ нѣкоторыми сокращеніями и необходимыми поясненіями.

Сохранились они въ лѣтописи, именно — въ „Софійскомъ Временникѣ“ за 1475 г. и носятъ названіе — „Хожденія за три моря Аѳанасія Никитина“. А моря эти — Каспійское, Черное и Индійское.

Никитинъ, узнавъ о *посольствѣ*, прибывшемъ въ Москву къ великому князю Иоанну Васильевичу III отъ кавказскаго владѣтеля Шемахи Ферухъ-Есара, предложилъ нѣсколькимъ своимъ товарищамъ, тверскимъ купцамъ, поѣхать въ Азію, подъ покровительствомъ шемахинскаго посла Асанъ-Бега; кстати въ Шемаху отправлялся русскій посоль Василій Папинъ. Асанъ-Бегъ, вручивъ подарки великому князю отъ шемахинскаго хана и получивъ взамятъ девяносто охотничьихъ кречетовъ, собрался въ обратный путь велѣдъ за русскимъ посломъ Василиемъ Папинымъ, который выѣхалъ немного раньше. Никитинъ съ товарищами поспѣшно снарядили два судна съ товаромъ и поѣхали внизъ по Волгѣ. Заручившись проѣзжей грамотой отъ князя Михаила Борисовича и посадника Бориса Захаровича, по дорогѣ они заѣхали помолиться и получить благословеніе въ Троицкомъ монастырѣ Колязинѣ. Въ Костромѣ имъ пришлось остановиться для полученія великокняжеской проѣзжей грамоты за рубежъ, которую они безъ труда получили отъ князя Александра Васильевича. Въ Нижнемъ-Новгородѣ они думали присоединиться къ Василию Папину, но, узнавъ, что онъ уже уѣхалъ, рѣшили дождаться Асанъ-Бега, на что потратили двѣ недѣли.

Соединившись съ Асанъ-Бегомъ, они продолжали свой путь внизъ по Волгѣ до Бузанъ рѣки, рукава Волги, вытекающаго въ 50 верстахъ выше Астрахани и соединяющагося съ Ахтубою. Досихъ поръ ѣхали безъ всякихъ приключеній; тутъ же къ нимъ пристали три астра-

ханскихъ татарина, которые предупредили ихъ о томъ, что астраханскій ханъ Каисымъ, узнавъ объ ихъ поѣздкѣ, рѣшилъ подстеречь ихъ и ограбить, и для этой цѣли у него собрано три тысячи татаръ. Асань-Бегъ далъ имъ подарки и заплатилъ имъ для того, чтобы они провели ихъ осторожно мимо Астрахани. Они же подарки и деньги взяли, а сами дали вѣсть Каисымъ-хану. Никитинъ вмѣстѣ съ товарищами пересѣлъ къ послу на судно и ночью они съ чрезвычайною осторожностью пустились въ путь. Къ несчастію, ночь была лунная и предупрежденные татары вскорѣ замѣтили плывущія судна. „Остановитесь!“ стали они кричать имъ, но видя, что тѣ продолжаютъ свой путь, пустились за ними въ погоню и вскорѣ настигли ихъ на Бугунѣ, у устья Волги. Завязалась перестрѣлка, которая кончилась тѣмъ, что убиты были одинъ русскій и два татарина. Кромѣ того, татары разграбили одно изъ небольшихъ суденъ, на которомъ былъ товаръ и все имущество Никитина. Другое большое судно стало на мель, чѣмъ воспользовались татары и взяли его вмѣстѣ съ четырьмя русскими въ плѣнъ. Съ плѣнными поступили сравнительно милостиво: у нихъ отобрали имущество и отпустили ихъ.

Отпущенные на свободу русскіе хотѣли возвратиться на родину, но имъ не позволено было сдѣлать это, такъ какъ ханъ Каисымъ боялся, что они, возвратясь, расскажутъ обо всемъ случившемся, и отъ этого могутъ произойти непріятныя послѣдствія.

Въ дальнѣйшее плаваніе по Каспійскому морю пустились только два судна: одно русское съ шестью москвичами и съ шестью тверичами, а другое Асанъ-Бегово, на которомъ находились бухарскіе купцы и десять русскихъ во главѣ съ Никитинымъ. Не успѣли они оправиться отъ первой бѣды, какъ ихъ постигла вторая. Поднялась сильная буря, которая разбила русское судно и выбросила его на берегъ близъ Тарки. Русскіе были забраны въ плѣнъ горцами кайтаками. Осталось одно судно Асанъ-Бега, которое благополучно прибыло въ Дербентъ. Никитинъ съ товарищами отправился къ московскому послу Василю Папину, который былъ уже здѣсь, съ просьбою похлопотать объ освобожденіи плѣнниковъ.хлопоты русскаго посла увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Владѣтель Шемахи отправилъ посла къ Хамиль-Бегу кайтакекому, который приходился ему шуриномъ, съ просьбою освободить русскихъ плѣнниковъ, говоря, что они присланы къ нему, и при этомъ обѣщаль съ своей стороны, при случаѣ, быть ему полезнымъ. Вскорѣ русскіе плѣнники были въ Дербентѣ и направились къ Ширванъ-Шаху. Принялъ онъ ихъ очень хорошо, но когда они попросили помочь имъ возвратиться на родину, то онъ отвѣтилъ отказомъ, извиняясь тѣмъ, что ихъ много. „Заплакали мы, — говоритъ Никитинъ, но видя, что ничего не подѣлаешь, разошлись, кто куда“. У кого были деньги, тѣ отправились на родину, а тѣ, у которыхъ были долги, разбрелись на заработки.

Самъ Никитинъ отправился въ Баку, гдѣ горитъ огонь неугасимый. Здѣсь онъ пробылъ недолго. Заработавъ денегъ столько, чтобы можно было перебраться черезъ Каспійское море, онъ покинулъ Баку и вскорѣ былъ уже въ Персіи. Тяжело было русскому человѣку вдали отъ родины, въ чужой странѣ, гдѣ его советѣмъ не понимали. Ему приходилось переходить изъ города въ городъ, занимаясь чѣмъ придется. Такъ, переходя изъ одного торговаго мѣста въ другое, онъ дошелъ до города Рея. Здѣсь онъ прожилъ мѣсяцъ и присутствовалъ на представленіи знаменитой персидской мистеріи, въ которой воспоминается гибель Хусейна и сына Али, внука Магомета, за что Магометъ проклялъ тамошній край и семьдесятъ городовъ пало въ развалинахъ. Отсюда онъ направился далѣе и вскорѣ былъ въ Таромѣ, гдѣ, какъ онъ пишетъ, настолько дешево финики, что ими даже скотину кормятъ. Побывавъ въ Ларѣ, который въ то время былъ значительнымъ торговымъ городомъ, онъ вскорѣ былъ уже въ Ормузѣ, гдѣ, замѣтилъ онъ, солнце такое жгучее, что можетъ спалить человѣка.

Ормузь, это — одна изъ лучшихъ пристаней въ Персіи; лежитъ этотъ городъ на островѣ, и въ свое время велъ очень большую торговлю. Сюда сходились купцы со всѣхъ уголковъ Персіи и Индіи, везя съ собой всевозможные товары. „Все есть въ Ормузѣ, — говоритъ Никитинъ, — только пошлина велика“. Здѣсь Никитинъ встрѣтилъ вторую Пасху вдали отъ родины, а первую онъ провелъ на побережьѣ Каспій-

скаго моря. Отпраздновавъ Пасху, онъ сѣлъ на таву (такъ въ то время назывались корабли), въ которой везли лошадей, со своимъ жеребцомъ, купленнымъ имъ для перепродажи, и поѣхалъ за море. По дорогѣ онъ посѣтилъ Камбои, одну изъ важныхъ пристаней для всего Индѣйскаго океана. Тутъ продаются разныя дорогія ткани, краски и драгоценныя камни. Нигдѣ не останавливаясь особенно долго, онъ добрался наконецъ до Чювиля.

О Персіи Никитинъ пишетъ очень мало, потому что мало встрѣтилъ въ ней новаго; персидскіе купцы часто встрѣчались на Руси со своими товарами. Этотъ же первый индѣйскій городъ произвелъ на него большое впечатлѣніе и ему здѣсь кажется все ново и необычайно. Люди здѣсь черны и всѣ ходятъ почти голыми, покрывая лѣтѣмъ голову и опоясывая бедра. Женщины носятъ покрывала на бедрахъ и на плечахъ, а дѣти до семи лѣтъ ходятъ голыми. Увидѣвъ бѣлаго человѣка, они удивлялись, и цѣлыя толпы любопытныхъ ходили за Никитинымъ первое время.¹

Изъ Чювиля Никитинъ направился въ глубь земли къ Чюнейру.

Въ городъ его не пустили, потому что пріѣзжихъ туда не пускаютъ, а живутъ они близъ города по подворьямъ.

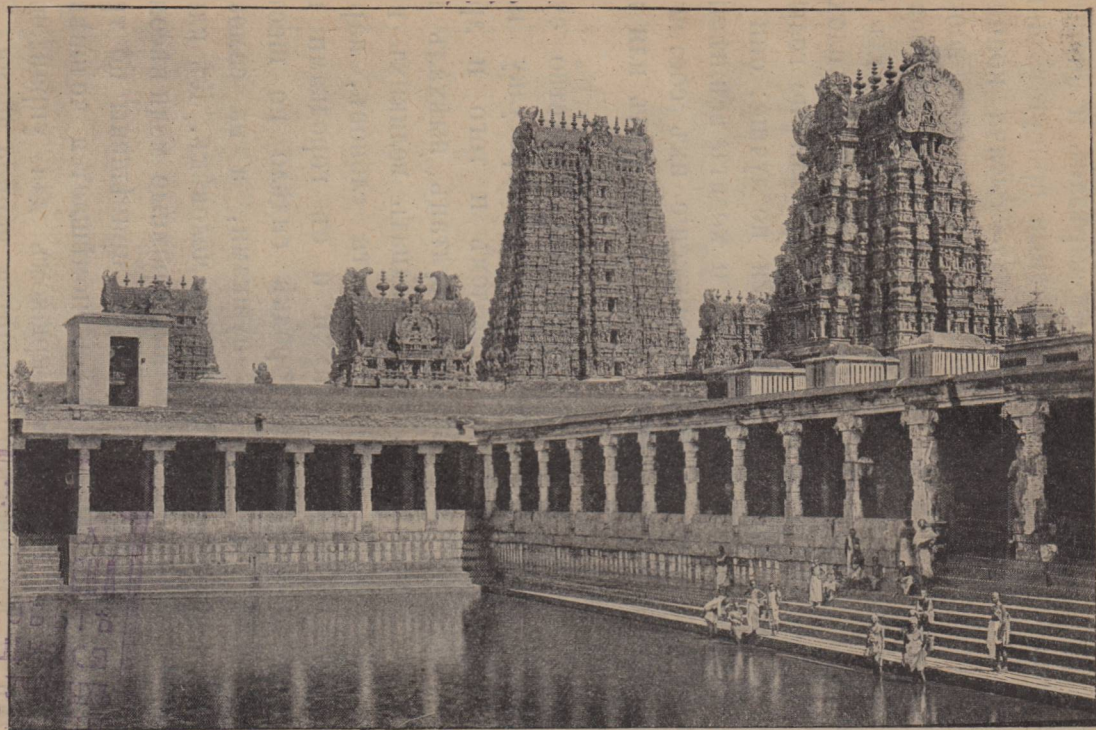
Да и вообще въ городъ пробраться трудно, потому что онъ стоитъ на высокой скалѣ и ведетъ къ нему настолько узкая тропинка, что два человѣка не могутъ помѣститься рядомъ, и поэтому приходится пробираться по ней въ одиночку, да и то днемъ,

Никитинъ рѣшилъ провести здѣсь зиму, которая началась въ этотъ годъ съ мая и продолжалась четыре мѣсяца. Въ это время идутъ сильные дожди и повсюду вода и грязь. Туземцы пользуются этимъ временемъ для посѣвовъ. Сѣютъ обыкновенно пшеницу, рисъ и горохъ, а носятъ въ это время покрывала не только на бедрахъ, но еще на плечахъ и на головѣ, а князь и бояре надѣваютъ поверхъ портки, сорочку, кафтанъ и три покрывала: одно на голову, другое на плечи и третье поясомъ. Ханъ ѣздитъ на людяхъ, а есть у него много и слоновъ и добрыхъ коней, которыхъ привозятъ изъ Туркменіи и изъ-за моря. Здѣсь съ Никитинымъ произошелъ непріятный случай, который заставилъ его поскорѣе покинуть этотъ городъ.

Дѣло въ томъ, что онъ хотѣлъ перепродать своего коня, который ему обошелся въ 100 рублей, за болѣе выгодную цѣну. Ханъ, узнавъ, что онъ русскій, а не мусульманинъ, отобралъ у него коня и велѣлъ ему перейти въ ихъ вѣру, а за это обѣщалъ вернуть коня и еще дать тысячу золотыхъ. Если же Никитинъ не согласится, то ему не вернуть коня и вдобавокъ выѣдутъ. Сроку онъ далъ ему четыре дня. Къ счастію Никитина, въ это время пріѣхалъ туда его пріятель хорасанецъ. Онъ бросился къ нему съ просьбою выручить. Этотъ послѣдній отправился къ хану и упросилъ его не принуждать русскаго, на что ханъ милостиво согласился.

Никитинъ поспѣшилъ убраться отсюда и послѣ мѣсяца пути добрался, наконецъ, до Бедеря, гдѣ про-

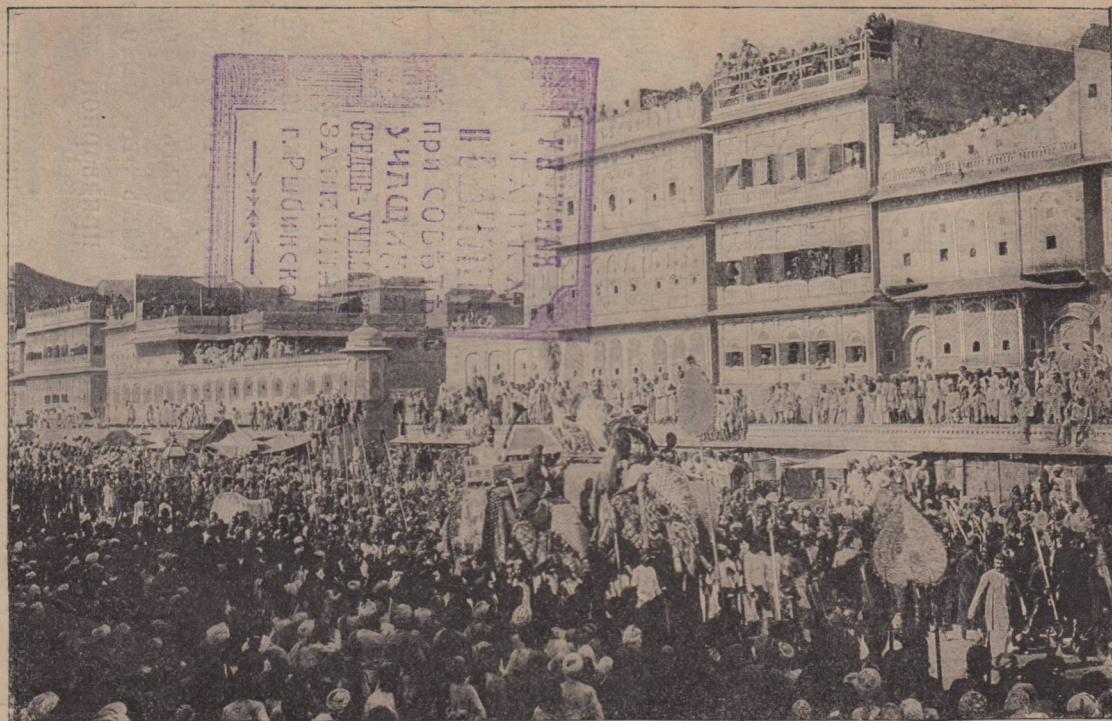
жилъ очень долго, Бедеръ теперь небольшой, а прежде былъ одинъ изъ замѣчательныхъ городовъ Индіи. Та часть Индіи, гдѣ былъ Никитинъ, въ то время дѣлилась на два владѣнія. Одно владѣніе принадлежало князю Чюнедарскому, онъ былъ родомъ индѣецъ и всѣ подвластные ему были индѣйцы. Никитинъ почти ничего не пишетъ объ этомъ княжествѣ. Онъ только упоминаетъ, что столица здѣсь большой городъ Бичинегиръ и что у индѣйскаго князя Кадама много войска. Другое владѣніе принадлежитъ султану Бедерскому, который родомъ хорасанецъ и подвластные ему хорасане вѣру держатъ магометанскую. Эти два княжества вѣчно между собою враждуютъ. Одинъ изъ главныхъ бояръ и полководцевъ султана Бедерскаго, по имени Меликтучаръ, уже двадцать лѣтъ бьется съ индѣйцами и все никакъ ихъ побѣдить не можетъ. Султанъ Бедерскій живетъ пышно и богато. Столица его, городъ Бедеръ, очень велика, и торговля здѣсь идетъ очень хорошо. Торгуютъ здѣсь конями, шелкомъ, съѣстными припасами да черными людьми, по для русской земли тамъ товару нѣтъ. „Людей много; всѣ они черны,—говоритъ Никитинъ,—всѣ злодѣи, а жены ихъ безчестны, моряютъ всякими зельями мужей своихъ и вообще повсюду воровство, чародѣйство и обманъ“. Столица очень хорошо защищена. Въ ней живетъ самъ султанъ, дворъ котораго окруженъ стѣнами съ семью воротами; въ каждахъ воротахъ сидитъ по сто сторожей и по столько же писцовъ, которые записываютъ всѣхъ входящихъ и всѣхъ выходящихъ. Иностранцевъ сюда совсѣмъ не пускаютъ.

Внутри дворца.

Во дворѣ все разукрашено золотомъ и рѣзьбою, даже самый послѣдній камень въ немъ вырѣзанъ и покрытъ золотомъ. Тутъ же находятся разные присутственныя мѣста, а ночью городъ стерегутъ тысяча воиновъ намѣстника; они ѣздятъ на коняхъ, вполнѣ вооруженные и съ факелами въ рукахъ. Знатные бояре живутъ не хуже султана, ѣздятъ они на коняхъ въ доспѣхахъ; но бѣдный народъ живетъ очень плохо, ютится въ хижинахъ и ходитъ чуть ли не голый. Подвластнымъ индѣйцамъ живется не лучше; они не имѣютъ права ѣздить на коняхъ и ходятъ все пѣшіе, босикомъ и очень быстро; вооруженіе ихъ состоитъ изъ щита въ одной рукѣ, а въ другой мечъ или же лукъ и стрѣлы.

Еще больше поразило Никитина богатство султана во время его выѣздовъ на прогулку или на войну. Онъ былъ свидѣтелемъ и того и другого выѣзда. Въ первый разъ султанъ выѣхалъ на прогулку. Его сопровождали двадцать великихъ визирей. Медленно двигались триста слоновъ, наряженныхъ въ булатные доспѣхи и съ городками на хребтахъ. Въ каждомъ городкѣ сидѣло по шести вооруженныхъ воиновъ съ пушками, а на самомъ большомъ слонѣ было двѣнадцать человекъ. Къ клыкамъ каждаго слона привязаны огромные мечи вѣсомъ до трехъ пудовъ, а къ рыламъ привѣшены по три тяжелыхъ гири. Между ушей помѣщается человекъ съ большимъ желѣзнымъ крюкомъ для управленія слономъ и вдобавокъ развѣвается черное знамя. За слонами двигались тысячи коней взнузданныхъ и по-

Шествіе султана.

крытыхъ золотомъ, но безъ всадниковъ; затѣмъ шли сто верблюдовъ, покрытыхъ черными, шитыми золотомъ, попонами, на нихъ помѣщались огромные барабаны для оркестра. Шествіе замыкали сто трубачей, триста плясуновъ и столько же наложницъ. Самъ султанъ ѣхалъ на конѣ, разукрашенномъ въ золотѣ, и съ нагрудникомъ, шитымъ драгоценными камнями; сѣдло его золотое, а одѣтъ онъ въ кафтанъ, залитый яхонтами и другими камнями; на шапкѣ горитъ и переливается всѣми цвѣтами огромный алмазь; лукъ и три сабли окованы золотомъ, а сверху посажены яхонты. Впереди султана, въ огромной толпѣ пѣшихъ людей, бѣжитъ индеецъ и играетъ зонтикомъ, а за нимъ выступаетъ бѣшенный слонъ съ желѣзной цѣпью во рту и разгоняетъ пѣшихъ и конныхъ, чтобы не могли приблизиться къ султану. Вмѣстѣ съ султаномъ выѣхалъ братъ его, который лежалъ на золотой кровати подъ балдахиномъ, шитомъ золотомъ и камнями; кровать эту несли двадцать человекъ. Другой ханъ Махмутъ выѣхалъ тоже на золотой кровати съ золотой маковкой и съ шелковымъ балдахиномъ; его везли четыре коня, украшенные золотомъ, а рядомъ шла огромная совѣмъ почти голая толпа. Передъ ними шли плясуны, вооруженные мечами наголо и копьями. Таковъ былъ блестящій выѣздъ султана на прогулку!.. Какъ это было непохоже на простоту и бѣдность придворной жизни московскаго князя того времени!

Кромѣ того, еженедѣльно по вторникамъ и четвергамъ султанъ выѣзжалъ съ матерью и тремя

великими визирями на разпяя увеселительныя зрѣлища. Эти поѣздки менѣе богаты. Тогда съ нимъ выходятъ десять тысячъ всадниковъ, пятьдесятъ тысячъ пѣшихъ, двѣсти слоновъ въ золотѣ, а передъ нимъ сто трубачей, сто плясуновъ, триста коней осѣдланыхъ, въ золотѣ, сто обезьянъ и сто паложницъ. Братъ султана выѣзжаетъ на эти зрѣлища по понедѣльникамъ съ матерью и сестрою. Съ нимъ ѣдутъ тысяча женъ на коняхъ и на золотыхъ кроватяхъ, а передъ ними двигается огромная пѣшая толпа. Кромѣ того, ведутъ сто коней, осѣдланыхъ въ золотѣ, пятьдесятъ слоновъ въ суконныхъ пополахъ, на каждомъ слонѣ по четыре человекъ нагишомъ, только покрывала на бедрахъ. За этимъ поѣздомъ слѣдуетъ много нагихъ женщинъ, которыя несутъ воду для питья и для омовеній. Бояре выѣзжаютъ на серебряныхъ кроватяхъ, передъ которыми ведутъ до двадцати убранныхъ золотомъ коней, а затѣмъ идутъ триста конниковъ, пятьсотъ пѣшихъ, десять трубачей, десять барабанщиковъ и столько же свирѣльниковъ, которые составляютъ оркестръ.

Еще большее впечатлѣнiе произвелъ на Никитина выѣздъ въ походъ главнаго боярина султанскаго и храбраго полководца Меликтучара. Въ храбрости его Никитинъ самъ убѣдился, потому что Меликтучаръ при немъ совершилъ два похода. Онъ пользуется огромною властiю и имѣетъ подъ своею рукою многихъ хановъ. Живетъ онъ роскошно. На конюшнѣ у него стоятъ сто слоновъ и двѣ тысячи коней, да еще

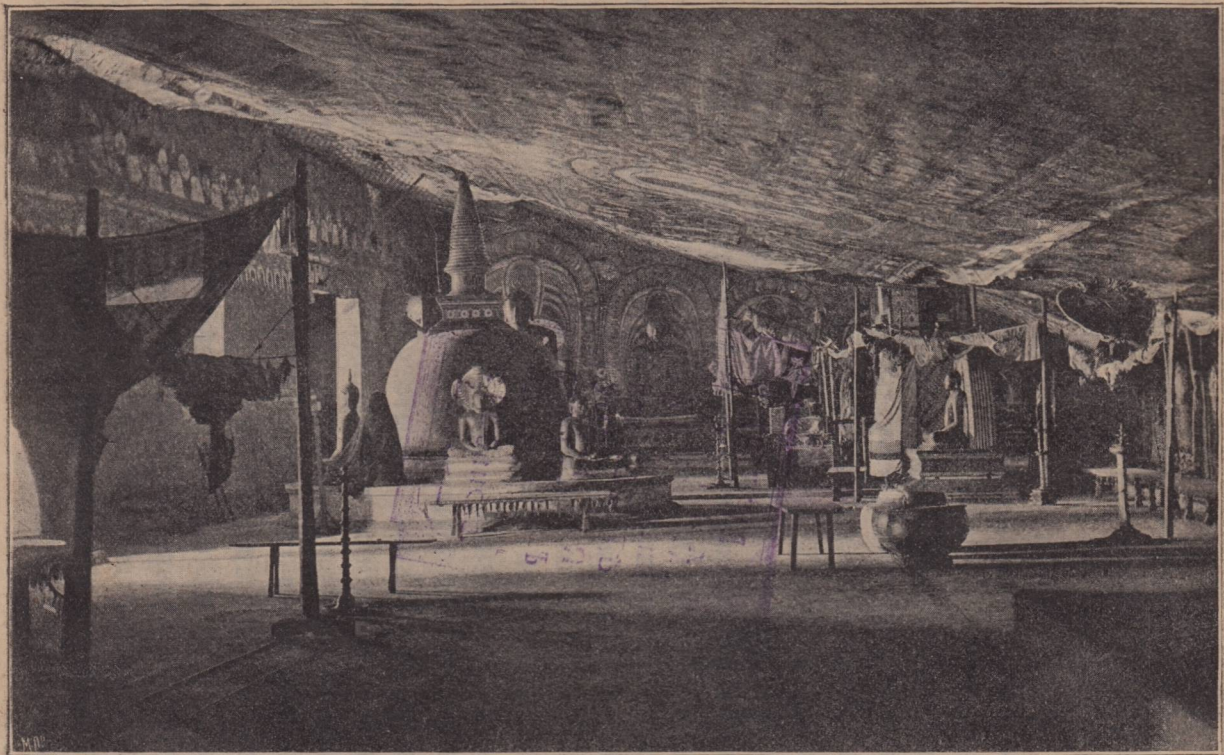
тысяча днем и ночью стоит осѣдланная наготовѣ. Дворъ его ночью стерегутъ сто вооруженныхъ всадниковъ, двадцать трубачей, десять барабанщиковъ, да при десяти большихъ бубнахъ двадцать бубенщиковъ. За обѣденный столъ каждый день съ нимъ садится до пятисотъ человекъ: три визиря и съ каждымъ изъ нихъ по пятидесяти человекъ, да бояръ по сту человекъ. А войска у Меликтучара двѣсти тысячъ, да у подвластныхъ ему хановъ столько же, если не больше.

Первый походъ его былъ противъ двухъ индѣйскихъ торговыхъ городовъ, которые разгнѣвали его своими морскими разбоями. Два года стоялъ онъ близъ этихъ городовъ съ многочисленнымъ войскомъ и въ концѣ-концовъ взялъ ихъ, а въ награду за долгую стоянку имъ досталась большая добыча. Масса дорогихъ тканей, вьюкъ яхонтовъ и по столько же алмазовъ и рубиновъ. Вскорѣ послѣ перваго похода Меликтучару пришлось предпринять второй походъ противъ индѣйскаго султана Кадама, но уже по серьезнѣе. Меликтучаръ собралъ свое огромное войско и двинулся сначала въ Бедеръ, чтобы тамъ соединиться съ султаномъ. Навстрѣчу ему были посланы изъ столицы десять великихъ визирей и масса войска. При въѣздѣ въ городъ любимцу султана воздавались всевозможныя почести. Изъ Бедеря Меликтучаръ выѣхалъ раньше и направился со своимъ войскомъ на князя Чюнедарскаго. Султанъ выѣхалъ со своимъ войскомъ позднѣе. Соединившееся войско было по своей силѣ баснословно. Однихъ пѣшихъ было два.

милліона, всадниковъ — около милліона, около тысячи вооруженныхъ слоновъ и сто лютыхъ звѣрей на цѣпяхъ. И, несмотря на свою численность, это громадное войско потерпѣло поражение. Людей и денегъ погубили много, а взяли всего одинъ городъ. Осаждали его цѣлый мѣсяць, войско гибло и страдало отъ недостатка пищи и воды. Наконецъ ханъ взялъ городъ приступомъ, но не легко далась имъ эта побѣда. День и ночь бились войска двадцать сутокъ и во все время ничего не пили и не ѣли, такъ что когда городъ былъ взятъ, то озлобленные харасанцы разграбили его и безпощадно перерѣзали двадцать тысячъ народу и столько же взяли въ плѣнъ, а потомъ продавали ихъ на выкупъ. Все это видѣлъ Никитинъ, потому что очень долго прожилъ въ Бедерѣ. Какъ торговецъ, онъ интересовался торговлею и поэтому не пропустилъ случая побывать въ Аляндѣ, который отстоитъ въ ста двадцати верстахъ отъ Бедеря, и гдѣ каждый годъ бывала одна изъ лучшихъ ярмарокъ. Начинается эта ярмарка вскорѣ послѣ Покрова и длится десять дней. Къ началу ярмарки сюда съѣзжаются купцы со всего Индостана; однихъ коней приводится до ста тысячъ. Вернувшись съ ярмарки въ столицу, Никитинъ рѣшился пожить здѣсь подольше и оставался въ ней четыре мѣсяца, до самаго Великаго поста. Живя такъ долго, онъ сблизился съ жителями, которые первое время дичились его. Онъ описывалъ имъ свою вѣру и свою откровенностью заставлялъ ихъ въ свою очередь быть откровенными.

На его вопросъ объ ихъ вѣрѣ они сказали, что вѣру-
ють въ Будду, а Будда это то же, что у насъ Адамъ.
„Впрочемъ, — прибавляетъ Никитинъ, — вѣрѣ у насъ во-
семьдесятъ четыре и всѣ вѣрують въ Будду, но поклон-
ники одной вѣры не сближаются съ поклонниками
другой, не пьютъ, не ѣдятъ вмѣстѣ и не берутъ женъ
другой вѣры. Ёдятъ индѣйцы разные овощи, рисъ и
всевозможныя травы на молокѣ и маслѣ, а мясную
пищу, курятину и рыбу не употребляютъ. Вина и
водки не пьютъ, потому что это имъ закономъ запре-
щено. Нѣкоторые, правда, ѣдятъ баранину, куръ,
рыбу и яйца, но ужь говядину никто въ ротъ не бе-
ретъ. При ѣдѣ ни ножей ни вилокъ не употребляютъ
и ѣдятъ все правой рукой, а лѣвая бездѣйствуетъ.
Съ мусульманами индѣйцы не только не пьютъ и не
ѣдятъ вмѣстѣ, но даже та пища, которую видѣлъ му-
сульманинъ, считается негодною, и ее ужь никто не
станетъ ѣсть. Вообще, чтобы ихъ никто не видѣлъ
во время ѣды, они покрываются платкомъ. Передъ
ѣдою моютъ руки и ноги и полощутъ ротъ.

Приближался одинъ изъ большихъ индѣйскихъ
праздниковъ, и индѣйцы вздумали пойти въ свой свя-
щенный городъ Перватъ. Никитинъ присоединился
къ нимъ, потому что тамъ въ это время бываетъ
ярмарка, которая длится пять дней. Народу стека-
лось сюда до ста тысячъ, и торговля шла бойко.
Итти пришлось цѣлый мѣсяць. Когда пришли, то
Никитинъ отправился вмѣстѣ съ богомольцами въ
главный храмъ Будды. Храмъ этотъ очень великъ —
съ половину Твери; сдѣланъ онъ изъ камня, а около

Внутренность буддйского храма.

него находятся двѣнадцать вѣнцовъ, на которыхъ изображены все чудеса, которыя творилъ Будда во время своей жизни на землѣ. Будда являлся людямъ въ разныхъ видахъ: въ первый разъ онъ явился просто въ образѣ человѣка; во второй разъ—человѣкомъ съ хоботомъ слона, въ третій—человѣкомъ съ лицомъ обезьяны, въ четвертый—съ лицомъ лютаго звѣря и во всехъ своихъ видахъ онъ являлся съ хвостомъ. Самая главная статуя Будды очень велика и сдѣлана изъ камня. Одежды на немъ нѣтъ никакой, только животъ прикрытъ ширинкой; лицо обезьяны, хвостъ черезъ него въ сажень, правая рука поднята высоко и распростерта, какъ у царя Юстиніана въ Царьградѣ, а въ лѣвой онъ держитъ копьѣ. Другія изображенія Будды всегдѣ наги, тутъ же изображенія его женъ и дѣтей. Храмы все безъ дверей и обращены на востокъ; туда же лицомъ стоятъ и все Будды. Передъ главнымъ Буддой стоитъ огромный волъ, сдѣланный изъ чернаго камня и весь позолоченный. Во время молитвы все подходятъ къ нему, осыпаютъ его цвѣтами и цѣлуютъ въ копыто. Молятся индійцы тоже на востокъ, начинаютъ молиться такъ: сначала поднимаютъ высоко вверхъ руки, а затѣмъ кладутъ ихъ на темя и ложатся на землю, распростираясь. Пріѣхавши къ храму, все индійцы, и старые, и молодые, и женщины, и дѣти, обриваютъ себѣ волосы и уже тогда садятся на воловъ и вѣзжаютъ на нихъ въ средину храма. Рога у этихъ воловъ окованы мѣдью, копыта подкованы, а на шеѣ триста звонковъ. Животныхъ этихъ очень почитаютъ и зовутъ воловъ „*arre*“, что

значить отецъ; а корову—матерью, на калѣ ихъ пекутъ хлѣбы и варятъ кушанья; непломъ отъ этого кала мажутъ себѣ лицо, лобъ и все тѣло. Со всѣхъ богомольцевъ берется пошлина при входѣ въ пользу храма.

Вернулся Никитинъ изъ Первата за пятнадцать дней до магометанскаго праздника улу-байрама. Здѣсь онъ началъ поститься, потому что, по его расчетамъ, приближался праздникъ Пасхи. Это была четвертая Пасха вдали отъ родины. Грустно и тяжело было на сердцѣ русскаго человѣка. „Вотъ уже прошло четыре года, — говоритъ онъ, — какъ я не знаю ни Рождества Христова, ни Свѣтлаго праздника, ни среды, ни пятницы не соблюдаю“. Книги священныя они взяли съ собою, выѣзжая съ Руси, но когда ихъ ограбили, то вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ забрали и книги. „Я среди иновѣрцевъ только молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ меня“, говоритъ Никитинъ. Не зная, когда именно должна быть Пасха, онъ угадывалъ по примѣтамъ, думалъ, что она должна быть за десять дней до мусульманскаго праздника. Отпраздновалъ онъ Пасху перваго апрѣля, а на Руси въ это время была только четвертая недѣля Великаго поста. Во время своего путешествія Никитинъ не забывалъ торговыхъ цѣлей. Такъ вскорѣ послѣ Пасхи онъ оставилъ Бедеръ и направился въ Рачюръ, гдѣ было много алмазныхъ копей. Онъ осмотрѣлъ эти копи и воспользовался тѣмъ, что здѣсь можно выгодно купить дорогіе камни. Алмазы роятся въ каменной горѣ. Есть алмазы старыхъ и новыхъ копей: первые назы-

ваются бѣлыми, а вторые черными, и эти послѣдніе цѣнятся дороже. Продаются они на вѣсъ, лочка ($\frac{1}{2}$ золотника) стоитъ 5 руб., а лучшаго сорта— 10 руб.

Шель пятый годъ съ тѣхъ поръ, какъ Никитинъ выѣхалъ изъ Россіи. Его неудержимо потянуло на родину. Изъ Бредеря онъ ушелъ съ рѣшеніемъ при первомъ удобномъ случаѣ оставить Индію, а между тѣмъ путь въ это время былъ не безопасенъ. Повсюду были войны и грабежи и безъ оглядки рисковано было пуститься въ дорогу. Оставаться же въ Индіи Никитину не хотѣлось еще и потому, чтобы не издержать своего накопленнаго достоянія. Хотя онъ пишетъ, что жизнь велъ воздержанную, не пилъ вина и во всемъ себѣ отказывалъ, и все-таки у него много выходило. Изъ Рачюра онъ отправился въ Селянъ на островѣ Цейлонѣ, одну изъ замѣчательныхъ пристаней Индійскаго моря. Тутъ находится гора, которая называется Баба-Адамъ; близъ нея добываютъ драгоценные камни.

Еще посѣтилъ Никитинъ Шабатскую пристань, которая очень велика. Здѣсь выдѣлываютъ шелкъ, сахаръ, продаютъ жемчугъ и другіе товары и все это по очень дешевой цѣнѣ. Кромѣ того, въ окрестныхъ лѣсахъ водятся слоны громадной величины и обезьяны-мамоны. Эти обезьяны водятся по лѣсамъ, по скаламъ, по дорогамъ и обдираютъ людей. Онѣ настолько опасны, что изъ-за нихъ люди не рѣшаются ѣздить. Ихъ очень много, у нихъ есть своя рать и свой князь обезьянскій. Если кто ихъ оби-

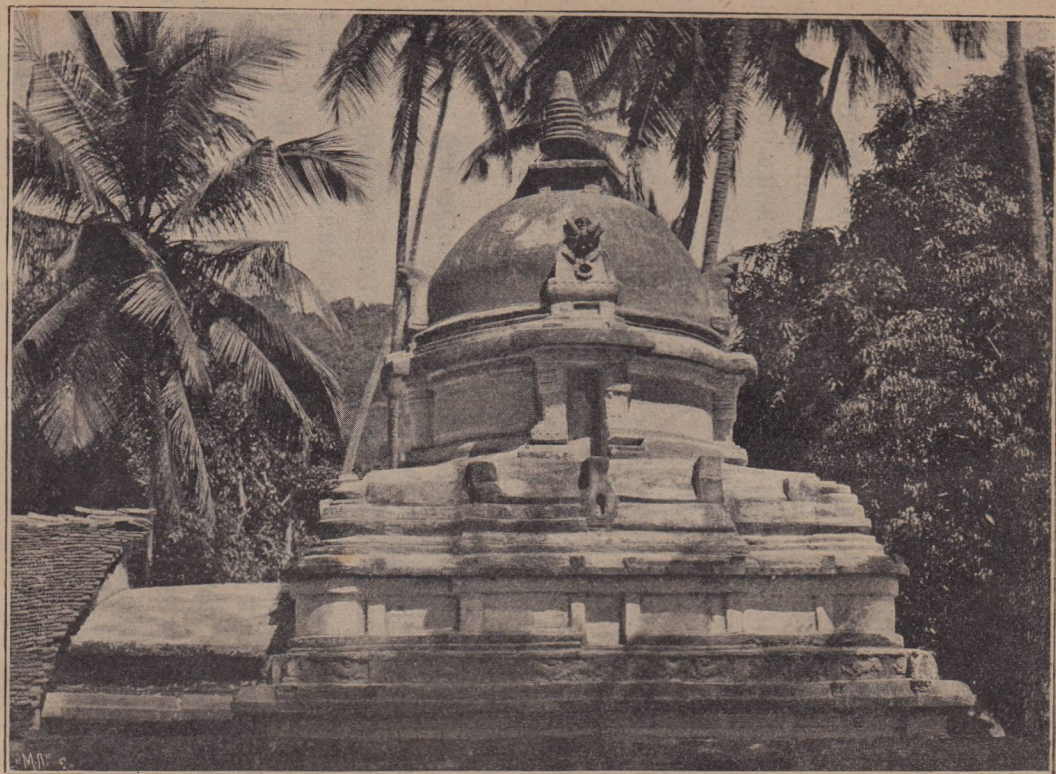
жаеть, то они жалуются ему, и онъ высылаеть тогда въ защиту свое войско, которое нападаетъ на городъ, опустошаетъ дворы, бьетъ людей и вообще много причиняетъ вреда. Дѣтей у этихъ обезьянъ родится много, и если дитя не похоже ни на отца ни на мать, то его бросаютъ на дорогѣ, а индѣйцы подбираютъ этихъ дѣтей, обучаютъ ихъ рукодѣліямъ или пляскѣ, а потомъ продаютъ, но продаютъ ночью, чтобы они не могли вернуться назадъ. Тутъ водятся мускусовые олени: ихъ вскармливаютъ и потомъ рѣжутъ пунки, въ которыхъ содержится мускусъ. Дикіе сами роняютъ пунки по полю и лѣсу, но они воняютъ и въ пищу не годятся. Еще, отмѣтилъ Никитинъ, массу змѣй длиною около двухъ саженой, которыя ползаютъ по улицамъ, и птицу гукукъ, которую прозвали такъ потому, что она кричитъ кукъ-кукъ. Птица эта вѣщая. Если она сядетъ къ кому на домъ и кричитъ ночью, то это вѣрная примѣта, что въ этомъ домѣ или кто-нибудь умретъ, или другое какое несчастье случится. А если захотятъ ее убить, то у нея изо рта выходитъ пламя, и подойти къ ней никакъ нельзя. О жителяхъ Шабата говорятъ, что они евреи, но Никитинъ говоритъ, что они ни евреи и не мусульмане, а сектанты, которые кланяются идоламъ и мяса не ѣдятъ.

Изъ Шабата онъ направился въ Пегу, гдѣ живутъ дервины, которые добываютъ дорогіе камни, выдѣлываютъ ихъ и продаютъ. Въ Дабыни, куда онъ пришелъ изъ Пегу, его особенно охватила тоска по родинѣ и онъ простился, наконецъ, съ Ин-

дією, сѣлъ на таву, заранѣе выговоривъ себѣ мѣсто за два золотыхъ до Ормуза.

На родину Никитинъ ѣхалъ тѣмъ же путемъ. Цѣлый мѣсяць шли они по безбрежному морю, нигдѣ ничего не видно, кромѣ неба и воды. Наконецъ на другой мѣсяць завидѣли горы Эѳіопскія. Всѣ вздохнули было свободно, но неумолимая судьба и тутъ не пощадила ихъ. Поднялась сильная буря и вѣтромъ занесло ихъ корабль въ сторону. Странники замѣтили это и воскликнули: „Господи, Боже, Царь небесный, осудилъ Ты насъ на злую погибель! Вѣтромъ ихъ пригнало къ берегу. Они ожидали грабежа со стороны туземцевъ, но тѣ удовлетворились тѣмъ, что имъ роздали массу хлѣба и риса. Дней черезъ пять пустились въ дальнѣйшій путь и черезъ двѣнадцать дней были въ Манкатѣ. Здѣсь Никитинъ отпраздновалъ свою шестую странническую Пасху и затѣмъ направился въ Ормузь.

Въ Персіи онъ пробылъ недолго, думая о томъ, чтобы поскорѣе попасть на родину. Черезъ Тавризь онъ направился въ орду Асанъ-Бега, гдѣ замедлилъ дней десять, стараясь разузнать, гдѣ ему проѣхать безопасно. Изъ орды онъ поѣхалъ по Черному морю въ Трапезундъ, куда прибылъ на Покровъ. Какъ пріѣзжаго изъ орды Асанъ-Бега, его приняли недружелюбно. Все его имущество отобрали и отнесли въ городъ для осмотра, думая найти въ немъ кое-какія бумаги. Но такъ какъ таковыхъ не оказалось, то ему векорѣ вернули его добро, ограбивъ все, что помельче. Никитинъ продолжалъ свой путь по Чер-

Растительность въ Индіи.

ному морю, но не такъ скоро пришлось ему добраться до родины, какъ онъ этого хотѣлъ. Поднявшаяся вновь буря долго трепала ихъ корабль и черезъ десять дней они снова были близъ Трапезунда у пристани Платаны, гдѣ простояли пятнадцать дней, ожидая, когда стихнетъ буря. Раза два дѣлали попытки выѣхать въ море, но буря была такъ сильна, что приходилось возвращаться и ждать терпѣливо. Наконецъ, когда море успокоилось, они выѣхали и кое-какъ добрались до Балаклавы, откуда Никитинъ направился въ Кафу. Здѣсь впервые вздохнулъ онъ свободно и со слезами помолился мусульманской молитвой, благодаря Бога за Его милосердіе. Но до своего родного города не удалось доѣхать нашему бѣдному страннику. По дорогѣ къ родной Твѣри онъ умеръ близъ города Смоленска.

Записки Никитина такъ и перешли къ намъ въ видѣ отрывочныхъ замѣтокъ, путевыхъ набросковъ, необработанныхъ и необъединенныхъ въ одно цѣлое. Смерть не дала ему сдѣлать это, не дала ему по возвращеніи на родину пояснить написанныя имъ случайныя строки тѣмъ богатымъ матеріаломъ, что онъ хранилъ въ сокровищницѣ своей памяти. Но и съ этими отрывочными записками могутъ равняться по цѣнности находящихся въ нихъ свѣдѣній только записки Николо ди-Копти.
